

Право и политика

Правильная ссылка на статью:

Чирнинов А.М. — Конституционно-судебная аргументация и модели трансформации нормативно-правового регулирования // Право и политика. – 2021. – № 9. – С. 39 - 57. DOI: 10.7256/2454-0706.2021.9.36333 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36333

Конституционно-судебная аргументация и модели трансформации нормативно-правового регулирования

Чирнинов Алдар Мункожаргалович

кандидат юридических наук

научный сотрудник отдела права Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, старший преподаватель кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета

620990, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16

✉ chir-aldar@yandex.ru

[Статья из рубрики "Судебная власть"](#)

DOI:

10.7256/2454-0706.2021.9.36333

Дата направления статьи в редакцию:

19-08-2021

Дата публикации:

26-08-2021

Аннотация: В настоящей статье исследуется взаимосвязь между конституционно-судебной аргументацией и основными моделями трансформации, которым подвергается нормативно-правовое регулирование под воздействием конституционно-судебных решений. Посредством анализа и обобщения обширной конституционно-судебной практики выявляются аргументационные закономерности, возникающие в связи с обращением органов конституционного правосудия к конкретным вариантам нормативной коррекции. Особое внимание уделено таким корректировочным мерам, как дисквалификация правовой нормы, формулирование исключения из общего правила, изменение гипотезы и диспозиции правовой нормы, корректировка её санкции, уточнение механизма действия правовой нормы во времени, в пространстве и по кругу лиц, восполнение законодательных пробелов и закрепление дополнительных гарантий. Новизна исследования состоит в том, что конституционно-судебная аргументация изучена в инструментальном ключе, а именно в разрезе выполнения ею служебной функции по отношению к конституционному контролю, что позволило обозначить аргументативные паттерны, преобладающие в конституционном дискурсе, и тем самым глубже осмыслить механизм порождения аргументов. Результаты исследования показывают, что в концептуальном плане рассуждения органов конституционного

правосудия отражают процесс критического осмысления состояния действующего правового регулирования и обозначения его конституционных недостатков с одновременной проекцией нормативной модели, укладывающейся в конституционные рамки. Сделан вывод о том, что конституционно-судебная аргументация призвана показать наиболее приемлемый с конституционной точки зрения вариант регулирования, обозначить допустимые правотворческие отклонения от конституционных стандартов правового нормирования и объяснить, почему, как и в какой части спорное нормативно-правовое регулирование – исходя из конституционных требований – должно быть скорректировано.

Ключевые слова: аргументативный паттерн, конституционное правосудие, нормативная коррекция, правовое регулирование, конституционность, конституционный контроль, аргументативные схемы, конституционный суд, юридическая аргументация, рассуждение

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-60022 «Теория и методология конституционно-судебной аргументации: сравнительно-правовое исследование».

1. Введение

В зарубежной научной литературе нередко отстаивается точка зрения, согласно которой юридическая аргументация не обладает какими-либо особенностями, дающими основание выделять её в качестве самостоятельного вида аргументации. Утверждается, что правовое рассуждение есть не более чем «обычное рассуждение, выстраиваемое применительно к юридическим проблемам» [1, p. 3]. Такая бескомпромиссная позиция обычно подкрепляется тем, что процесс обоснования правовых решений требует обращения к такому же набору аргументативных средств, которые используются в любом другом контексте, связанном с принятием решений [1, p. 5, 234].

Представляется, что подобная постановка вопроса является ошибочной, поскольку она не учитывает, что существуют, как было верно замечено С. Тулминым [6, p. 33–36; 5, p. 303], не только универсальные (*field-invariant*) аспекты аргументации, но и её вариативные (*field-dependent*) элементы, содержание которых целиком и полностью зависит от сферы приложения аргументативных усилий. Это отчётливо видно на примере самой юриспруденции, когда, среди прочего, устанавливаются повышенные стандарты доказывания по отдельным категориям дел, закрепляется особый порядок их рассмотрения, формулируются презумпции в целях перераспределения бремени доказывания и т.д.

Кроме того, в зависимости от сферы приложения аргументативных усилий могут меняться даже оценки относительно наличия ошибок в аргументации. Так, например, апелляция к авторитету в научном споре будет считаться абсолютно недопустимой и лишённой всякой аргументативной ценности, тогда как при разрешении юридического спора корректные ссылки на мнение, скажем, высшей судебной инстанции будут, напротив, *prima facie* свидетельствовать об адекватности принятого решения.

Следовательно, моделирование конкретного вида аргументации и формулирование критериев её эффективности требуют, прежде всего, учёта особенностей деятельности, достижению цели которой аргументация способствует. Применительно к конституционно-судебной деятельности это означает, что во внимание должны приниматься причины возникновения конституционно-правовых споров, их предмет, а также способы и

перспективы их разрешения.

В настоящей статье предлагается проанализировать, как аргументация, приводимая в обоснование конституционно-судебных решений, способствует достижению цели конституционного нормоконтроля, заключающейся в правовой охране конституции и обеспечении её верховенства посредством устранения из системы действующего правового регулирования неконституционных норм.

Эта исследовательская задача обладает новизной и, безусловно, имеет важное теоретическое и прикладное значение, поскольку изучение аргументации в подобном инструментальном ключе, а именно в разрезе выполнения ею служебной функции по отношению к конституционному контролю, позволяет выявить аргументативные паттерны, преобладающие в конституционном дискурсе, и тем самым глубже осмыслить механизм порождения аргументов, что является неременным условием для постижения самой сути рассматриваемых конституционно-правовых проблем.

2. Аргументация в нормативных контекстах и модели трансформации действующего правового регулирования

Чтобы сформировать адекватные представления о стандартах аргументации по конституционным делам, важно понимать характер нормативных трансформаций, которые претерпевает система действующего правового регулирования под воздействием конституционно-судебных решений. Поскольку задачами конституционного контроля выступают выявление недостатков правотворческих решений и обозначение наиболее оптимальных способов их устранения, конституционно-судебная аргументация обнаруживает тесную связь с конституционно-правовой дефектологией, которая, по мнению Н.С. Бондаря, изучает закономерности «возникновения, преодоления и устранения правовых дефектов, приобретающих конституционное значение с точки зрения оказываемого ими негативного воздействия на конституционный правопорядок, реализацию прав и свобод человека и гражданина, функционирование институтов конституционного строя» [\[9, с. 2\]](#).

Следовательно, есть все основания утверждать, что аргументативные усилия, прилагаемые в ходе осуществления конституционного нормоконтроля, должны быть направлены на то, чтобы обосновать тезис о соответствии проверяемой нормы конституционным стандартам правотворческой деятельности и в случае обнаружения недопустимых отклонений – обозначить контуры необходимой нормативной коррекции.

Любопытно, что такой подход в той или иной мере разделяется в научной литературе, посвящённой конституционной аргументации. Так, например, Ф. Боббит, обозначая критерии конституционно-судебной проверки, уподоблял конституционное право системе распределения ролей и выводил его прескриптивное содержание через ответ на вопрос: «Какого рода решение уполномочен принимать тот или иной субъект?» [\[2, p. 182\]](#).

Несмотря на то что приведённая характеристика достаточно ёмко отражает суть конституционного контроля, она всё равно нуждается в дополнении. Дело в том, что Ф. Боббит изучал проблематику, связанную с конституционной аргументацией, на примере американского правопорядка, где, как известно, не принято осуществлять формальный конституционный контроль, в том числе проверять нормативный акт по порядку принятия. Поэтому нужно обязательно добавить, что конституционно-контрольная деятельность требует авторитетного обозначения пределов нормативно-правового регулирования не только в его содержательном, но и процедурном аспекте.

2.1. Дисквалификация правовой нормы

Наиболее очевидный вариант нормативного преобразования, который может быть осуществлён посредством конституционного правосудия, состоит в исключении спорной правовой нормы из системы действующего правового регулирования. Верховенство и прямое действие конституции в такой ситуации достигаются за счёт лишения проверяемой нормы юридической силы. Недаром в доктринальном дискурсе конституционно-судебный контроль с подачи Г. Кельзена принято ассоциировать с негативным правотворчеством [\[4, p. 2767\]](#).

В качестве примера можно привести дело гражданина Смирнова, который оспаривал положение Уголовного кодекса РСФСР 1960 года, позволявшее квалифицировать в качестве измены Родине бегство за границу и последующее невозвращение (пункт «а» статьи 64). Поскольку право российских граждан свободно выезжать за пределы России и беспрепятственно возвращаться на Родину нашло закрепление на конституционном уровне (часть 2 статьи 27 Конституции России), Конституционный Суд России признал подобный уголовно-правовой запрет несовместимым с конституционными положениями и не имеющим права на существование [\[26\]](#).

Нужно отметить, что на нормативные положения может быть наложена *условная дисквалификация*, когда сохранение юридической силы соответствующего акта связывается с выполнением правотворческим органом определённых требований, совершением тех или иных действий. Так, констатируя, что временно применяемые международные договоры России, затрагивающие права и свободы человека и гражданина, не подлежат исполнению без доведения их содержания до всеобщего сведения, Конституционный Суд России исключил возможность их дальнейшего применения, если по истечении трёхмесячного срока с момента провозглашения постановления они не будут официально опубликованы [\[35\]](#).

Кроме того, в целях последовательной реализации конституционных предписаний орган конституционного правосудия может прибегнуть к *отложенной дисквалификации*, когда нормативное положение утрачивает юридическую силу не с момента признания его неконституционным, а спустя некоторое время. Необходимость отсрочки обычно обосновывается тем, что в результате немедленной дисквалификации правовой нормы могут пострадать конституционно значимые интересы (например, конституционные права и свободы граждан [\[49\]](#)), может быть поставлено под сомнение надлежащее исполнение бюджетных обязательств [\[30\]](#) и т.д.

Наконец, не исключена возможность замены дисквалификации нормативно-правового акта своеобразным предупреждением правотворческому органу. Так, установив, что при принятии спорного федерального закона было допущено нарушение законодательной процедуры, выразившееся в голосовании депутатов Государственной Думы за отсутствовавших коллег, и указав, что требование о личном голосовании является существенным элементом надлежащего порядка принятия федеральных законов, Конституционный Суд России тем не менее воздержался от признания закона неконституционным (прежде всего, ввиду того, что это поставило бы под сомнение конституционность ранее принятых федеральных законов и, как следствие, подорвало бы стабильность уже возникших правоотношений). Одновременно с этим он предупредил законодателя, что в последующем подобные нарушения могут «служить основанием для признания [закона] не соответствующим Конституции Российской Федерации по порядку принятия» [\[29\]](#).

В целом для обоснования необходимости дисквалификации правовой нормы аргументативные усилия должны быть направлены на поддержку тезиса, согласно которому проверяемое предписание подлежит изъятию из системы действующего правового регулирования, поскольку оно принципиально не укладывается в конституционные рамки, а в качестве нормативных предпосылок выступают конкретные стандарты правотворческой деятельности, в том числе получившие уточнение в конституционно-судебной практике, вопреки которым приняты спорные нормы.

2.2. Формулирование исключения из общего правила

Формулирование исключения из общего правила позволяет сохранить в структуре правопорядка саму спорную норму, допустив возможность правомерного отступления от неё в случаях, когда это оправдано. Потребность в таких ситуативных изъятиях обычно обуславливается тем, что при определённых обстоятельствах применение правовой нормы может приводить к менее разумным и справедливым результатам, нежели отказ от её реализации. Соответственно, возможность осуществления нормативной коррекции в виде формулирования исключения из общего правила придаёт праву должную гибкость и позволяет эффективнее достигать целей правового регулирования.

Анализ конституционно-судебной практики показывает, что установление исключения из общего правила требует подтверждения двух самостоятельных тезисов. С одной стороны, должен быть аргументирован рациональный характер самой спорной нормы, причём именно в разрезе наиболее типичных и часто встречающихся правоприменительных ситуаций, и приведены доводы о её принципиальной допустимости. С другой стороны, должны быть продемонстрированы разумность и оправданность отступления от общего правила, которое при этом не должно превращаться – в свете общераспространённости тех или иных практик – в само правило.

Например, Конституционный Суд России допустил исключения из законодательного запрета участникам публичного мероприятия скрывать своё лицо. Так, гражданин не подлежит административной ответственности, если он был вынужден скрыть лицо в силу объективных причин, в частности по погодным условиям, медицинским показаниям и т.д. Необходимость же сохранения общего запрета была обоснована тем, что его наличие «обладает очевидным предупредительным эффектом, оказывающим заметное сдерживающее воздействие на поведение участников публичных мероприятий». Этот запрет также «препятствует появлению у них ощущения возможности безнаказанного совершения противоправных действий и способствует обеспечению условий для неотвратимого наступления ответственности» [\[22\]](#).

Применительно к необходимости личной подачи гражданином заявления о выдвижении кандидатом в соответствующую избирательную комиссию Конституционный Суд России указал, что такое законодательное требование не лишено разумных оснований, поскольку личная подача документов подчёркивает «высокую степень ответственности, которую принимает на себя [баллотирующийся] гражданин», с самого начала обеспечивает «непосредственное взаимодействие кандидата и избирательной комиссии с целью создания условий для реализации им своих прав» и исключает «возможные злоупотребления на [соответствующей] стадии избирательного процесса» [\[43\]](#). Вместе с тем суд предписал, что в случае помещения лица под домашний арест ему должна быть предоставлена возможность подачи документов в избирательную комиссию через адвоката либо представителя, полномочия которого должны быть удостоверены в нотариальном порядке.

Таким образом, исключения рождаются потому, что благодаря отступлению от общего правила достигаются результаты, перевешивающие значение ценностей, которые защищались бы в случае соблюдения этого правила. При этом предпосылками для появления исключений могут выступать соображения «справедливости либо другие принципы и ценности» [\[3, p. 137\]](#).

Здесь также стоит заметить, что данная модель нормативной трансформации отражает внутреннюю диалектику принципа равноправия. Всё дело в том, что, с одной стороны, любое исключение из правила предполагает дифференциацию правового регулирования, а значит, чтобы не обернуться дискриминацией, оно должно иметь объективное и разумное оправдание. С другой стороны, сам отказ допустить исключение из общего правила – при наличии к этому рациональных предпосылок – приводит к нарушению принципа равноправия.

2.3. Изменение гипотезы и диспозиции правовой нормы

Не умаляя значение других видов трансформаций, которые могут претерпевать правовые нормы в результате осуществления конституционного контроля, нужно заметить, что наиболее частым корректировкам подвергаются их гипотеза и диспозиция. Это закономерно, поскольку именно диспозиция содержит само правило поведения, выражаемое через конкретные права и обязанности [\[8, с. 57\]](#), а гипотеза указывает на условия, при наличии которых правовая норма действует [\[8, с. 59\]](#).

Начнём с гипотезы правовой нормы, которая по соображениям конституционности может быть подвергнута *расширению* либо *сужению*. Расширение гипотезы обычно преследует цель восполнить упущение законодателя, который хотя и сформулировал пригодное правило, однако не учёл отдельные обстоятельства, при которых применение данного правила также оказывается конституционно необходимым и уместным. Так поступил Конституционный Суд России с положениями Уголовно-процессуального кодекса России, «приравняв» оспоренную норму указанием на то, что уголовное дело не подлежит прекращению в связи со смертью обвиняемого (подозреваемого), если против этого возражают его близкие родственники [\[34\]](#).

Нужно отметить, что самостоятельную проблему для конституционного правосудия представляют нормативно закреплённые перечни. Как показывает практика, умаление конституционных прав нередко происходит в результате позиционирования тех или иных перечней в качестве исчерпывающих, что обуславливает необходимость их точечного расширения. Именно так отреагировал Конституционный Суд России, когда расширил круг оснований для возобновления производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств, включив в него соображения Комитета по правам человека [\[19\]](#) и мнения Рабочей группы по произвольным задержаниям Совета ООН по правам человека [\[21\]](#).

Что касается сужения гипотезы, то оно может являться реакцией органа конституционного правосудия на порочную правоприменительную практику, когда спорная норма интерпретируется буквально либо распространительно, хотя разумное и справедливое разрешение конкретных дел, напротив, требует ограничительного толкования. Например, Конституционный Суд России обязал взыскивать с субъектов Российской Федерации в пользу муниципальных образований недополученные субсидии, запретив судам отклонять исковые требования только лишь на том основании, что они предъявлены по окончании финансового года [\[51\]](#). Переосмыслению подверглась довольно безобидная, на первый взгляд, правовая норма, согласно которой «бюджетные ассигнования, лимиты бюджетных обязательств и предельные объёмы

финансирования текущего финансового года прекращают свое действие 31 декабря» (пункт 3 статьи 242 Бюджетного кодекса России).

Как нетрудно заметить, при корректировке гипотезы правовой нормы орган конституционного контроля исходит из недопустимости сугубо формального подхода к разрешению тех или иных вопросов, ибо это ослабляет гарантии реализации конституционных прав и искажает предназначение правового регулирования.

Говоря о сужении гипотезы правовой нормы, необходимо также иметь в виду, что подобная нормативная корректировка нередко применяется к составам правонарушений с целью ограничить возможность привлечения лица к юридической ответственности. В этом смысле вполне допустимо рассматривать конструкцию состава правонарушения в качестве гипотезы, поскольку именно состав правонарушения отражает совокупность необходимых и достаточных *условий* для привлечения лица к ответственности.

Так, благодаря усилиям Конституционного Суда России в нашей стране не наступает уголовная ответственность за неоднократное нарушение порядка организации публичного мероприятия, если это не повлекло причинения или реальной угрозы причинения вреда охраняемым ценностям [\[47\]](#) (как видно, в результате осуществлённой нормативной коррекции состав преступления из формального плавно трансформировался в материальный). Равным образом не наступает административная ответственность за формально незаконные действия валютного резидента России по возвращению денежных средств из иностранных банков без посредничества уполномоченных российских банков в ситуации, когда есть «реальный риск лишиться валютных ценностей либо утратить на неопределённый срок контроль над ними» в результате ограничительных мер, введённых иностранным государством в ненадлежащей международной процедуре [\[63\]](#).

Корректировка гипотезы правовой нормы может осуществляться и другим способом. Так, возможен вариант *установления* гипотезы, которую ранее проверяемая норма вовсе не предполагала. Подобная корректировка была осуществлена в отношении Гражданского процессуального кодекса России, в результате чего в настоящее время председатель Верховного Суда России или его заместители могут вносить представление в Президиум Верховного Суда России о пересмотре судебных актов в порядке надзора не иначе как при наличии обращения заинтересованных лиц, но никак не по собственной инициативе [\[31\]](#).

Теперь перейдём к диспозиции правовой нормы. Исходя из обозначенного выше понимания диспозиции процесс её нормативной корректировки предлагается рассмотреть через призму способов правового регулирования, а именно – дозволения, позитивного обязывания и запрещения. Такой подход оправдан, поскольку, с одной стороны, правовое регулирование материализуется через определение содержания субъективных прав и юридических обязанностей [\[7, с. 296-297\]](#). С другой стороны, органы конституционного правосудия обладают ограниченным правотворческим функционалом, так как они лишены возможности – в силу принципа разделения властей – осуществлять комплексное регулирование и в части непосредственной нормативной коррекции вынуждены довольствоваться точечными изменениями.

Итак, орган конституционного правосудия в процессе корректировки диспозиции правовой нормы может сформулировать *новое дозволение*, то есть предоставить отдельным лицам конкретное субъективное право. Поскольку субъективному праву неизменно корреспондирует юридическая обязанность, такая нормативная коррекция с

необходимостью приводит и к возникновению новых обязанностей. При этом, как показывает практика, основным источником легитимации новых дозволений преимущественно выступают конституционные нормы о правах и свободах человека и гражданина.

Яркий пример – решение Конституционного Суда России, в котором он, одобряя запрет на сообщение места захоронения лица, смерть которого наступила в результате пресечения террористического акта, предоставил его родственникам право оспорить постановление о прекращении уголовного дела в связи с его смертью, содержащее выводы о его причастности к террористической деятельности. Такому праву, выводимому из презумпции невиновности, права на судебную защиту и принципа уважения достоинства личности, корреспондирует обязанность суда рассмотреть поданную жалобу по существу, а также обязанность государственных органов не предавать тело покойного земле до принятия судебного решения [\[32\]](#). В таком же русле Конституционный Суд России обязал законодателя предусмотреть возможность обжалования в судебном порядке актов Федеральной налоговой службы России, формально не являющихся нормативными правовыми актами, но фактически обладающих нормативными свойствами и тем самым затрагивающих права неопределённого круга налогоплательщиков [\[41\]](#).

Что касается *позитивного обязывания*, то Конституционный Суд России вывел из права на судебную защиту конкретное требование, согласно которому квалификационные коллегии судей в России должны мотивировать решение об отказе в рекомендации на должность судьи. Это было сделано с опорой на то, что в противном случае блокируется сама возможность оценить правомерность принятого решения в судебном порядке [\[33\]](#).

Не исключены ситуации, когда орган конституционного правосудия не формулирует качественно новую обязанность, а лишь *конкретизирует* уже имеющуюся. Так, Конституционный Суд России указал на возможность муниципальных образований, ограниченных в финансовых ресурсах и неспособных поддерживать функционирование официального периодического печатного издания, исполнять обязанность по опубликованию муниципальных правовых актов посредством их размещения на своём официальном сайте, предварительно наделив его статусом сетевого издания [\[62\]](#).

В конституционно-судебной практике также имеют место случаи, когда орган конституционного правосудия *подтверждает существующую обязанность*, которую правоприменительные органы и их должностные лица последовательно игнорируют. Относительно недавно это коснулось процессуальной формы принятия решения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении [\[60\]](#). Как известно, КоАП России в случае отказа в возбуждении соответствующего дела обязывает правоприменителя выносить мотивированное определение (часть 5 статьи 28.1), что не выполнялось, к сожалению, повсеместно.

Наконец, рассмотрим вариант нормативной коррекции, выражающийся в *формулировании запретов*. Поскольку цель конституционного контроля состоит в защите основных прав и свобод, соответствующие запреты, как правило, адресуются властным субъектам, с тем чтобы усилить гарантии реализации прав и свобод либо оградить граждан от необоснованных и несправедливых обременений. Резолютивная часть таких конституционно-судебных решений во многих случаях сопровождается формулировками наподобие «данная норма по своему смыслу не предполагает...», «норма по своему смыслу не позволяет...» и т.д. Так, в конституционно-судебной практике были сформулированы запреты на исследование и изъятие в ходе обыска у адвоката материалов адвокатского производства, защищаемых адвокатской тайной [\[42\]](#), на

возложение на организатора публичного мероприятия обязанностей по обеспечению общественной безопасности, которые надлежит выполнять органам публичной власти, обладающим для этого необходимыми полномочиями и ресурсами [\[55\]](#), и т.д.

В завершение данного параграфа отметим, что содержание как гипотезы, так и диспозиции правовой нормы может нуждаться в уточнении ввиду его неопределённости. При этом стандарты определённости могут варьироваться в зависимости от сферы правового регулирования (как известно, повышенные требования ясности и недвусмысленности предъявляются к уголовно-правовым нормам). Что касается аргументативных паттернов, то тезис о нежелательности неопределённых по своему содержанию правовых норм обычно выводится через описание деструктивных последствий, среди которых произвольное правоприменение и избирательное правосудие [\[53\]](#), коррупциогенные проявления [\[17\]](#) и пр.

Кстати, не исключены ситуации, когда в правоприменительной практике могут устояться несколько вариантов понимания правовой нормы, каждый из которых при этом является принципиально допустимым с конституционной точки зрения. В таких ситуациях Конституционный Суд России обычно воздерживается от обозначения приоритетного варианта регулирования и во имя правовой определённости призывает законодателя сделать однозначный нормативный выбор [\[57\]](#).

2.4. Корректировка санкции правовой нормы

Разумеется, конституционное правосудие не обходит стороной вопросы, связанные с адекватностью санкций правовых норм, поскольку именно санкция предусматривает неблагоприятные последствия в случае совершения правонарушения. При этом, как показывает проведённый анализ, нормативной корректировке могут подвергаться не только характеристики самих санкций (обоснованность установленной меры юридической ответственности [\[27\]](#), безальтернативность санкций [\[44\]](#), размеры конкретных штрафов [\[38\]](#)), но и целые нормативные комплексы, сочетающие регулятивные и охранительные нормы (скажем, когда наряду с мерами ответственности объектом контроля выступает процедура их реализации [\[48\]](#)).

Говоря о корректировке санкции правовой нормы, необходимо иметь в виду, что выбор мер принуждения, определение конкретного набора санкций и их качественно-количественных параметров традиционно относятся к дискреционным полномочиям законодателя. Это разумно и вполне объяснимо, поскольку в содержании санкции выражается «законодательная оценка характера и степени общественной опасности запрещённого деяния» [\[12, с. 73\]](#). Как следствие, орган конституционного правосудия прибегает к корректировке санкции правовой нормы лишь тогда, когда в текущем виде она не соответствует фундаментальным принципам юридической ответственности, принятым в правовом государстве (перечень таких принципов вполне обозрим и подробно раскрывается в соответствующих конституционно-судебных решениях [\[46, 52\]](#)). В остальных же случаях Конституционный Суд России склонен проявлять сдержанность, выражая неготовность вторгаться в административно-деликтную и уголовную политику законодателя. Соответственно, в обозначенном контексте самостоятельной аргументационной задачей становится обоснование того, что поднимаемые вопросы касаются исключительно юридических параметров рассматриваемых санкций.

В каких конкретных нормативных корректировках могут нуждаться санкции правовых норм? Немалое количество правовых норм подвергается конституционно-судебной проверке с точки зрения принципа *non bis in idem*. Так, апелляция к данному принципу

легла в основу решения Конституционного Суда России, которым было признано недопустимым дважды привлекать индивидуального предпринимателя к ответственности (по отраслевому законодательству и по КоАП России) за нарушение порядка представления сведений для целей индивидуального учёта в системе обязательного пенсионного страхования [\[54\]](#). В подобных нормативных ситуациях обоснованию подлежит тезис о том, что объективную сторону соответствующих правонарушений составляет одно деяние, которое совершается лицом при одних и тех же обстоятельствах.

Любопытно, что само по себе привлечение лица к двум видам ответственности за одно и то же деяние не всегда свидетельствует о нарушении принципа *non bis in idem*. Например, в конституционные рамки вполне может укладываться такая модель законодательного регулирования, которая в случае привлечения лица к двум видам ответственности позволяет поглотить одну санкцию другой (например, если время содержания военнослужащего под дисциплинарным арестом можно предварительно зачесть в срок лишения свободы [\[14\]](#)).

Далее, обратим внимание на принцип соразмерности санкции характеру противоправного деяния. Поскольку оценка степени общественной опасности всегда связана с риском необоснованного вторжения в сферу законодательной дискреции, органы конституционного правосудия предпочитают реагировать на спорные нормативные ситуации, только когда усматриваются признаки явного отклонения от конституционных стандартов правового регулирования – например, если предусмотренные санкции носят чрезмерно суровый характер. Подобные оценки получили, среди прочего, бессрочное (пожизненное) ограничение пассивного избирательного права для лиц, совершивших тяжкое преступление [\[36\]](#), драконовские и абсолютно недифференцированные штрафы за совершение налоговых правонарушений, признаки составов которых при этом было невозможно отграничить друг от друга [\[28\]](#), и т.д.

Одновременно с этим Конституционный Суд России, напротив, признавал конкретные санкции не соответствующими степени общественной опасности деяния и констатировал их явную недостаточность для обеспечения должной превенции. Так, в частности, была признана неконституционной статья 116.1 Уголовного кодекса России ввиду того, что она позволяла лицу, нанёсшему побои, избежать уголовной ответственности только лишь на том основании, что оно не находится в состоянии административной наказанности за нанесение побоев, хотя за предшествующий эпизод побоев данное лицо имеет судимость [\[61\]](#).

Примечательно, что органы конституционного правосудия, чтобы избежать корректировки проверяемых санкций, могут добиться смены аргументационной повестки, «переквалифицировав» сущность рассматриваемого правового явления. Делается это, разумеется, для того, чтобы сделать неуместной апелляцию к принципам юридической ответственности. Так поступил Конституционный Суд России в деле, в котором ставился вопрос о конституционности механизма отмены решения о приобретении лицом российского гражданства, принятого до вступления в силу закона, закрепившего соответствующее основание. Назвав данную меру «конституционно-восстановительной», суд тем самым нейтрализовал действие принципа *lex retro non agit* [\[23\]](#).

Хотя справедливости ради нужно отметить, что ранее Конституционный Суд России прибегал к подобной «переквалификации», наоборот, в целях расширения правовых гарантий личности, признавая, что к столь неординарной мере, как обращение в доход

государства имущества, в отношении которого госслужащим не представлены доказательства его приобретения на законные доходы, должны в полной мере применяться конституционные принципы юридической ответственности [\[46\]](#).

2.5. Уточнение механизма действия правовой нормы во времени, в пространстве и по кругу лиц

Конституционная дефектность правовой нормы может быть связана с тем, что она распространяет своё действие на общественные отношения, возникшие до её вступления в силу и на которые, если руководствоваться конституционными требованиями, она распространяться не должна; и наоборот – правовая норма не применяется к тем или иным отношениям, хотя в свете конституционных положений её применение предполагается.

Рассмотрим некоторые примеры. В 2014 году Конституционный Суд России ограничил возможность увольнения сотрудника органов внутренних дел, если фактические предпосылки для его увольнения возникли ещё до появления в законе соответствующего юридического основания. В конкретном деле речь шла об увольнении сотрудника органов внутренних дел по факту его уголовного преследования по делу частного обвинения, прекращённого в связи с примирением сторон. Орган конституционного правосудия посчитал такой нормативный подход недопустимым, поскольку сотрудник органов внутренних дел, соглашаясь на прекращение уголовного дела по нереабилитирующему основанию, «не мог предвидеть последствий процессуальной позиции, которую он занимал во время производства по уголовному делу, для своей будущей служебной деятельности» [\[39\]](#). Соответственно, был сделан вывод о том, что ретроспективное действие правовой нормы ставит увольняемых сотрудников в неравное положение по сравнению с теми сотрудниками, которые будут изначально знать о возможных негативных последствиях прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям.

Противоположная ситуация, требующая применения правовых норм с обратной силой, обычно возникает в связи с декриминализацией деяния, переоценкой тяжести преступления [\[36\]](#) и т.д. Более того, устранение преступности и наказуемости деяния может быть связано с изменением (отменой) не только уголовного закона, но и отраслевых норм, за нарушение которых предусмотрена уголовная ответственность («в той мере, в какой этими законами ограничивается сфера уголовно-правового регулирования» [\[18\]](#)). Так, по мнению Конституционного Суда России, подобный эффект может быть достигнут «путем отмены нормативных предписаний иной отраслевой принадлежности, к которым отсылали бланкетные нормы уголовного закона» [\[18\]](#).

Как показывает анализ конституционно-судебной практики, при корректировке темпоральных параметров нормативных предписаний во внимание принимаются, прежде всего, соображения правовой определённости, равенства и справедливости, поддержания доверия к закону и действиям государства. Преодолеть же конституционные гарантии, ограничивающие ретроспективное применение правовых норм, позволяет апеллирование к необходимости защиты более значимых интересов. Речь, в частности, может идти о важности комплектования соответствующих органов лицами, обладающими безупречной репутацией, высокими морально-нравственными качествами и должным уровнем правосознания [\[20\]](#), выполнением ими особо важных государственных функций (например, требование к кандидату на должность Президента России об отсутствии у него даже в *прошлом* иностранного гражданства или вида на жительство было оправдано тем, что на главу государства «возложены основные

обязанности по охране государственного суверенитета» [\[161\]](#)). Кроме того, как уже отмечалось, встречается аргументативный приём, в результате использования которого спорная ограничительная мера перестаёт рассматриваться в качестве меры ответственности [\[23\]](#).

Теперь перейдём к механизму действия правовой нормы в пространстве. Необходимость уточнения этого регулятивного параметра возникает в конституционно-судебной практике относительно редко, поскольку правотворческие органы обычно не склонны допускать огрехи при определении пространственных границ нормативно-правового регулирования. Тем не менее некоторые релевантные примеры найти всё-таки можно.

Так, например, в 2004 году перед Верховным судом США был поставлен вопрос о действии института *habeas corpus*, предусмотренного статьёй 1 (параграф 9) Конституции США, за пределами государства. Жаловались иностранные граждане, заключённые под стражу американскими военными и чьи заявления о проверке законности такого заключения в процедуре *habeas corpus* игнорировались американскими судами со ссылкой на то, что военная база формально располагается вне территории США. Не соглашаясь с нижестоящими судами и расширяя пространственные границы конституционного регулирования, Верховный суд США указал, что юридическое значение должен иметь фактический контроль над территорией, а не формальное её включение в состав США. Поэтому при условии, что американские военные сохраняют полный контроль над военной базой, хотя и расположенной на арендованной территории иностранного государства, иностранные граждане вправе обращаться к соответствующей процедуре [\[15\]](#).

Наконец, крайне распространены ситуации, когда требуется скорректировать правовую норму с точки зрения её действия по кругу лиц. Это связано с тем, что правовое регулирование всегда носит адресный характер, а потому риски правотворческих эксцессов при определении адресатов регулирования всегда велики. В этом плане конституционные дефекты могут быть связаны либо с распространением спорных нормативных положений на те или иные группы субъектов, либо с их неподпаданием под соответствующее регулирование.

К числу хрестоматийных можно отнести дело, связанное с определением круга жертв политических репрессий. Конституционная дефектность оспариваемой нормы состояла в том, что она не позволяла считать репрессированными детей, которые находились в местах лишения свободы, в ссылке, высылке, на спецпоселении вместе с их репрессированными родителями. В результате такие дети относились к числу так называемых «пострадавших от репрессий», что лишало их соответствующих компенсаций. Конституционный Суд России усмотрел в подобном нормативном решении признаки возрастной дискриминации, акцентировав внимание на том, что дети репрессированных подверглись таким же лишениям, как и их родители [\[25\]](#).

Не менее упорная логика была использована законодателем в отношении лиц, пострадавших в ходе разминирования территорий и объектов во время Великой Отечественной войны. Гражданам не полагались соответствующие льготы, если они участвовали в разминировании и получили ранения за рамками нормативно определённого периода времени – до февраля 1944 года [\[37\]](#). Не могли рассчитывать на меры социальной поддержки и лица, участвовавшие в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, – лишь потому, что они направлялись в зону отчуждения по комсомольской линии в составе студенческих отрядов, а не по указанию государственных органов исполнительной власти [\[40\]](#).

С аналогичной проблемой столкнулся Конституционный Суд России, когда решал вопрос о распространении чернобыльских гарантий на лиц, находившихся в состоянии внутриутробного развития не только на момент эвакуации из зоны отчуждения, но и на момент переселения из зоны отселения. В данном деле аргументация суда была выстроена вокруг того, что в обоих случаях уровень радиационного воздействия превышал допустимые значения [\[50\]](#).

Таким образом, уточнение механизма действия правовой нормы по кругу лиц требует обоснования тезиса, согласно которому соответствующие категории субъектов – с учётом аналогичности их фактического положения – должны быть поставлены в сопоставимые нормативные условия.

Что касается примера, когда по конституционным соображениям из-под действия правовой нормы выводились отдельные категории лиц, то можно привести Постановление Конституционного Суда России от 16 июля 2020 года № 37-П. Этим решением суд разрешил выступать в качестве представителя в арбитражном процессе лицам, не имеющим высшего юридического образования, если они являются учредителями (участниками) или работниками представляемой организации и обладают, по её мнению, необходимыми знаниями и информацией для ведения конкретного дела, притом что одновременно с ними интересы этой организации представляют лица, имеющие высшее юридическое образование [\[58\]](#).

Этот пример ценен тем, что он показывает, что желание не подпадать под то или иное регулирование, как правило, возникает в связи ограничительным характером правовой нормы, когда её распространение на конкретных субъектов сужает их правовые возможности. Хотя при более внимательном рассмотрении обнаруживается, что выведение этих субъектов из-под действия спорной нормы не несёт угрозы охраняемым ценностям (отсюда, кстати, и оговорка о том, что наряду с осведомлёнными неюристами интересы организации должны представлять профессиональные юристы) и, более того, способствует качественной реализации конституционных положений (очевидно, что поддержка осведомлённых специалистов неюридического профиля позволяет в ряде случаев получить более квалифицированную юридическую помощь, что, в свою очередь, повышает состязательность процесса).

2.6. Восполнение законодательных пробелов и закрепление дополнительных гарантий

Для того чтобы обосновать наличие конституционно значимых законодательных пробелов, необходимо продемонстрировать, что неурегулированные правом отношения объективно нуждаются в юридическом опосредовании [\[10, с. 22\]](#). После этого должны следовать суждения, свидетельствующие о том, что отсутствие в системе действующего правового регулирования тех или иных нормативных положений не согласуется с конституционными предписаниями. Обосновывая принципиальную допустимость оценки конституционности законодательных пробелов, судья Г.А. Гаджиев указывал на возможность выведения из конституционных принципов и норм «права на закон» [\[24\]](#).

Рассмотрим ситуацию, когда пробел в правовом регулировании признавался конституционно значимым и влёл за собой применение мер конституционно-судебного реагирования. В 2020 году в ходе проверки конституционности положений Уголовно-процессуального кодекса России Конституционный Суд России обнаружил обширный законодательный пробел, выразившийся в отсутствии механизма обеспечения сохранности имущества и жилища, остающихся без присмотра в связи с осуждением

собственника к лишению свободы. В результате такого бездейственного поведения законодателя, упустившего из виду столь важный пласт общественных отношений, вбирающих целый ряд вопросов конституционного значения, страдали интересы собственников и тех субъектов, на которых на практике возлагалась обязанность по охране оставляемого без присмотра жилища (муниципальные образования). В связи с этим орган конституционного правосудия обязал законодателя проработать все вопросы (в частности, закрепить конкретные меры по охране имущества, обозначить «субъектов, на которых может быть возложена обязанность по принятию таких мер», и определить источники финансирования) и затем внести необходимые изменения в действующее правовое регулирование [59]. При этом, как это бывает в случае обнаружения конституционно значимого законодательного пробела [11, с. 53-54], Конституционный Суд России до окончания законодательных работ ввёл временное регулирование.

Любопытно, что тезису о наличии законодательного пробела может быть противопоставлен тезис о том, что имеет место квалифицированное умолчание законодателя. В этом случае конституционно-судебный лейтмотив обычно сводится к тому, что правотворческий орган оставил тот или иной вопрос без внимания сознательно. Как правило, подобный аргументативный приём подразумевает детальный анализ законодательного регулирования в целях обнаружения признаков, прямо или косвенно свидетельствующих о действительных намерениях правотворческого органа. Так, например, не обнаружив в законе об адвокатской деятельности и адвокатуре прямого предписания о необходимости приостановления статуса адвоката в случае осуществления полномочий муниципального депутата на непостоянной основе и не обнаружив деструктивных признаков подобного совмещения, Конституционный Суд России пришёл к выводу, что отсутствие в законе негативных последствий такого совмещения является не законодательным пробелом, а результатом квалифицированного умолчания законодателя [56].

Перейдём к дополнительным гарантиям. Как известно, в конституционно-судебной практике устоялась позиция, согласно которой решение вопросов о предоставлении социальной помощи, налоговых льгот, оказании тех или иных мер социальной поддержки составляет дискрецию законодателя [13]. Такой подход связан с тем, что реализация принципа социального государства зависит прежде всего от финансовых возможностей государства. Однако, несмотря на это, можно найти примеры, когда орган конституционного контроля обязывал законодателя предоставить отдельным категориям граждан дополнительные гарантии.

Как известно, в федеральном законодательстве установлены льготные условия пенсионного обеспечения родителей военнослужащих, погибших при исполнении служебных обязанностей. Вводя такое важное социально-ориентированное регулирование, законодатель вместе с тем не учёл нормативные ситуации, когда при исполнении служебных обязанностей погибают двое или более детей. На практике это приводило к тому, что гибель второго ребёнка не имела никакого значения для определения размера пенсионного обеспечения. В связи с этим Конституционный Суд России предписал законодателю дифференцировать правовое регулирование путём усиления гарантий для родителей, чьи дети погибают при исполнении служебных обязанностей [45].

Следовательно, необходимость закрепления дополнительных гарантий может обуславливаться повышенной социальной значимостью деятельности, которую осуществляли соответствующие субъекты, важностью предоставления гражданам справедливой компенсации за перенесённые лишения и страдания, нахождением тех или

иных категорий лиц в особо уязвимом положении и т.д.

3. Заключение

Проведённое исследование позволяет заключить, что в контексте конституционно-контрольной деятельности аргументация выстраивается для того, чтобы добиться нормативных изменений, обосновав необходимость приведения проверяемых правовых норм в соответствие с конституционными положениями. В этом смысле рассуждения органов конституционного правосудия отражают процесс критического осмысления состояния действующего правового регулирования и обозначения его конституционных недостатков с одновременной проекцией нормативной модели, укладывающейся в конституционные рамки. Соответственно, конституционно-судебная аргументация призвана показать наиболее приемлемый с конституционной точки зрения вариант регулирования, обозначить допустимые правотворческие отклонения от конституционных стандартов правового нормирования и объяснить, почему, как и в какой части спорное нормативно-правовое регулирование – исходя из конституционных требований – должно быть скорректировано.

Библиография

1. Alexander L., Sherwin E. *Demystifying Legal Reasoning*. New York: Cambridge University Press, 2008. – 253 p.
2. Bobbitt Ph.Ch. *Constitutional Fate: Theory of the Constitution*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1982. – 285 p.
3. d'Almeida L.D. *Allowing for Exceptions: A Theory of Defences and Defeasibility in Law*. Oxford: Oxford University Press, 2015. – 291 p.
4. Stone Sweet A. *Why Europe Rejected American Judicial Review: And Why It May Not Matter* // *Michigan Law Review*. Vol. 101. 2003. No 8. P. 2744–2780.
5. Toulmin S. *Rationality & Reasonableness: From Propositions to Utterances* // *Revue Internationale De Philosophie*. Vol. 50. 1996. No. 2. P. 297–305.
6. Toulmin S. *The Uses of Argument*. New York: Cambridge University Press, 2006. – 247 p.
7. Алексеев С.С. *Общая теория права*. В двух томах. Т. I. М.: Юрид. лит., 1981. – 360 с.
8. Алексеев С.С. *Общая теория права*. В двух томах. Т. II. М.: Юрид. лит., 1982. – 360 с.
9. Бондарь Н.С. Законодательные пробелы – категория конституционно-правовой дефектологии: методология исследования, практика преодоления // *Журнал конституционного правосудия*. 2017. № 3. С. 1–9.
10. Кузнецова Е.В. Выявление законодательных пробелов Конституционным Судом РФ // *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу*. 2012. № 5. С. 22–27.
11. Кузнецова Е.В. Деятельность органов конституционной юстиции в РФ по предотвращению возникновения пробелов в праве // *Российский юридический журнал*. 2014. № 6 (99). С. 48–56.
12. Пудовочкин Ю.Е., Андрианов В.К. Структурные закономерности и правила построения санкций уголовно-правовых норм // *Российский юридический журнал*. 2018. № 5. С. 71–84.
13. Тарибо Е.В. Судебно-конституционная доктрина «факультативности налоговых льгот»: пределы применения // *Журнал конституционного правосудия*. 2013. № 2. С.

10–17.

14. Bundesverfassungsgericht. 2 BvR391/64, 2 BvR263/66. Judgment of the Second Senate of 2 May 1967 // Избранные решения Федерального Конституционного Суда Германии. М.: Инфотропик Медиа, 2018. С. 779–781.
15. U.S. Supreme Court. Rasul v. Bush. 542 U.S. 466 (June 28, 2004) // United States Supreme Court Reports. 2004. Vol. 540. P. 466–506.
16. Заключение Конституционного Суда России от 16 марта 2020 года № 1-З // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 12. Ст. 1855.
17. Информация «Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018–2020 годов)», одобренная решением Конституционного Суда России от 17 декабря 2020 года // СПС «КонсультантПлюс».
18. Определение Конституционного Суда России от 10 июля 2003 года № 270-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 5.
19. Определение Конституционного Суда России от 28 июня 2012 года № 1248-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 1.
20. Определение Конституционного Суда России от 5 июня 2014 года № 1211-О // СПС «КонсультантПлюс».
21. Определение Конституционного Суда России от 9 июня 2015 года № 1276-О // СПС «КонсультантПлюс».
22. Определение Конституционного Суда России от 7 июля 2016 года № 1428-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 2.
23. Определение Конституционного Суда России от 11 февраля 2021 года № 183-О // СПС «КонсультантПлюс».
24. Особое мнение судьи Г.А. Гаджиева к Постановлению Конституционного Суда России от 27 марта 2012 года № 8-П // СПС «КонсультантПлюс».
25. Постановление Конституционного Суда России от 23 мая 1995 года № 6-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 22. Ст. 2168.
26. Постановление Конституционного Суда России от 20 декабря 1995 года № 17-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 54.
27. Постановление Конституционного Суда России от 2 февраля 1999 года № 3-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 6. Ст. 867.
28. Постановление Конституционного Суда России от 15 июля 1999 года № 11-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 30. Ст. 3988.
29. Постановление Конституционного Суда России от 20 июля 1999 года № 12-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 30. Ст. 3989.
30. Постановление Конституционного Суда России от 30 января 2001 года № 2-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 7. Ст. 701.
31. Постановление Конституционного Суда России от 5 февраля 2007 года № 2-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 7. Ст. 932.
32. Постановление Конституционного Суда России от 28 июня 2007 года № 8-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 27. Ст. 3346.
33. Постановление Конституционного Суда России от 24 марта 2009 года № 6-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 14. Ст. 1771.
34. Постановление Конституционного Суда России от 14 июля 2011 года № 16-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 30 (2). Ст. 4698.
35. Постановление Конституционного Суда России от 27 марта 2012 года № 8-П //

- Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 15. Ст. 1810.
36. Постановление Конституционного Суда России от 10 октября 2013 года № 20-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 43. Ст. 5622.
37. Постановление Конституционного Суда России от 6 февраля 2014 года № 2-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 7. Ст. 736.
38. Постановление Конституционного Суда России от 25 февраля 2014 года № 4-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 10. Ст. 1087.
39. Постановление Конституционного Суда России от 21 марта 2014 года № 7-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 13. Ст. 1528.
40. Постановление Конституционного Суда России от 1 апреля 2014 года № 9-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 15. Ст. 1827.
41. Постановление Конституционного Суда России от 31 марта 2015 года № 6-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 15. Ст. 2301.
42. Постановление Конституционного Суда России от 17 декабря 2015 года № 33-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 52 (часть I). Ст. 7682.
43. Постановление Конституционного Суда России от 22 декабря 2015 года № 34-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 52 (часть I). Ст. 7683.
44. Постановление Конституционного Суда России от 17 февраля 2016 года № 5-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 9. Ст. 1308.
45. Постановление Конституционного Суда России от 19 июля 2016 года № 16-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 31. Ст. 5087.
46. Постановление Конституционного Суда России от 29 ноября 2016 года № 26-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50. Ст. 7169.
47. Постановление Конституционного Суда России от 10 февраля 2017 года № 2-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 9. Ст. 1422.
48. Постановление Конституционного Суда России от 23 мая 2017 года № 14-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 23. Ст. 3473.
49. Постановление Конституционного Суда России от 5 июля 2017 года № 18-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 29. Ст. 4437.
50. Постановление Конституционного Суда России от 13 декабря 2017 года № 40-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 51. Ст. 7915.
51. Постановление Конституционного Суда России от 18 июля 2018 года № 33-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 31. Ст. 5063.
52. Постановление Конституционного Суда России от 9 января 2019 года № 1-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 3. Ст. 278.
53. Постановление Конституционного Суда России от 17 января 2019 года № 4-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 4. Ст. 359.
54. Постановление Конституционного Суда России от 4 февраля 2019 года № 8-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 7 (часть II). Ст. 711.
55. Постановление Конституционного Суда России от 18 июня 2019 года № 24-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 25. Ст. 3316.
56. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2019 года № 29-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 30. Ст. 4411.
57. Постановление Конституционного Суда России от 23 июня 2020 года № 28-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 27. Ст. 4286.
58. Постановление Конституционного Суда России от 16 июля 2020 года № 37-П //

Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 30. Ст. 5000.

59. Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2020 года № 34-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 29. Ст. 4735.
60. Постановление Конституционного Суда России от 30 марта 2021 года № 9-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 15 (часть IV). Ст. 2658.
61. Постановление Конституционного Суда России от 8 апреля 2021 года № 11-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 16 (Часть III). Ст. 2874.
62. Постановление Конституционного Суда России от 27 мая 2021 года № 23-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 23. Ст. 417.
63. Постановление Конституционного Суда России от 9 июля 2021 года № 34-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 30. Ст. 3102.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Статья посвящена изучению некоторых вопросов, связанных с конституционно-судебной аргументацией и обусловленными соответствующими подходами (критериями) трансформации нормативно-правового регулирования.

Методология исследования

В статье применены анализа, обобщения, метод абстрагирования, методы индукции, дедукции, моделирования, дескриптивный, статистический метод. Также применены исторический, диалектический и сравнительный методы.

Актуальность

Тематика в целом обладает актуальностью в силу необходимости проведения углубленных исследований в области теории юридической аргументации, раскрытии возможных ресурсов применения специализированного (персонифицированного) инструментария для проработки наиболее адаптивных (усовершенствованных) подходов нормативно-правового регулирования.

Научная новизна

Научная новизна в статье присутствует частично в виде собственных авторских суждений в отношении проблематики, связанной с конституционно-судебной аргументацией и обусловленными соответствующими подходами (критериями) трансформации нормативно-правового регулирования. Вместе с тем надо положительно отметить стремление автора подчеркнуть особенности исследуемых феноменов, их значимость для научного анализа, систематичность построения методологического аппарата (в вышеобозначенных пределах). Кроме того, автор практически везде вставляет собственные ремарки, охотно дает оценки.

Стиль статьи соответствует требованиям к публикациям юридического профиля. Стилистика строго юридическая, солидным и научно проработанным является авторский слог.

Структура статьи в целом выдержана. В содержательном отношении необходимо отметить следующее:

1. Возвращаясь к оценке научной новизны, нельзя не упомянуть о том, что значительный массив доводов достаточно хорошо известен, поскольку является имманентным для курса теории юридической техники. Например, такие вариации

(модели, подходы) нормативных преобразований как «дисквалификация правовой нормы», «изменение гипотезы и диспозиции правовой нормы», «корректировка санкции правовой нормы», «уточнение механизма действия правовой нормы во времени, в пространстве и по кругу лиц» являются самоочевидными средствами коррекции (преобразования) элементов (фрагментов, подсистемы, институтов) правовой системы актами конституционного правосудия и в этом плане новизны в принципе нет. Наряду с этим следует отдать должное сформулированной автором модели трансформации под наименованием «формулирование исключения из общего правила» - в этот срез проблематики автору рекомендуется погрузиться глубже, продумать вариант подготовить отдельную статью.

Апелляционный блок как таковой отсутствует. Автор в начале работы приводит довод зарубежного специалиста о том, что «правовое рассуждение есть не более чем обычное рассуждение, выстраиваемое применительно к юридическим проблемам». Такая бескомпромиссная позиция обычно подкрепляется тем, что «процесс обоснования правовых решений требует обращения к такому же набору аргументативных средств, которые используются в любом другом контексте, связанном с принятием решений» [1, р. 5, 234].

Думается, что для специалистов вполне ясно, что обозначенный зарубежным специалистом подход также имеет право на существование, если исходить из классификации методов на общенаучные и частнонаучные. Ведь именно из этих методов произрастает и определяется конфигурация аргументативной модели. Соответственно, аргументацию можно выстраивать на историческом методе, а также применять формально-юридический – в результате прийти к корректировке «гипотезы, диспозиции, санкции правовой нормы». Иными словами, указанные подходы противопоставлять не следует. При этом акцент сделан верно, что набор аргументативных средств не может быть идентичным, например, для юриспруденции и искусствоведения.

Библиография достаточная

Выводы, интерес читательской аудитории

Статья написана на весьма интересную тему, материал неплохо проработан. Особой оригинальностью выводы не отличаются, но, допускаю, что специалистам, интересующимся вопросам юридической техники в разрезе конституционного судопроизводства он может быть полезным.